

**Красный террор в Крыму после Врангеля в 1920-1921 гг.: идеологи,
организаторы, исполнители**

Доклад был прочитан 16.11.2020 на научной конференции «100 лет Русскому Исходу» в г. Симферополь. Публикуется в рамках социально значимого проекта «Уроки Гражданской войны – Русский Исход 1920-2020», реализуемого НБФ «Наследие» с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.

Трагедию красного террора в Крыму в начале 1920-х гг. связывают с именами Бела Куна и Розы Землячки. Первый был председателем Крымревкома – высшего чрезвычайного органа большевистской диктатуры, который был создан на территории полуострова после победы над Врангелем; вторая являлась секретарем Крымского обкома РКП (б). Так как определенное время они стояли во главе местной власти, именно их современники считали главными организаторами репрессий.

В действительности такая точка зрения является чересчур упрощенной, так как оставляет без внимания деятельность огромной массы непосредственных исполнителей и идейных вдохновителей расправ: чекистов, работников особых отделов, военных, командования Южного фронта и руководителей советского государства и большевистской партии.

Насилие, захлестнувшее полуостров в конце 1920-зимой 1921 г., не было результатом злой воли отдельных высокопоставленных деятелей, но было спланировано заранее на самом высоком уровне. В условиях коммунистического режима массовое уничтожение наших соотечественников, которые не смогли или не захотели покинуть Отчизну осенью 1920 г. и остались в Крыму, было закономерным. Эта акция устрашения проистекала из самой сущности большевизма и его теоретической основы.

Первый акт будущей драмы был разыгран весной 1920 г. В мае 1920 г. министр иностранных дел Великобритании Джордж Керзон обратился к

советскому правительству с предложением мирных переговоров и амнистии белогвардейцам. Нарком иностранных дел РСФСР Георгий Чичерин считал, что нужно «пойти на амнистию Врангелю и на приостановку дальнейшего продвижения на Кавказе, где мы все ценное уже захватили, и можно ответить согласием, не медля ни минуты»¹.

Считая выгодной нормализацию отношений с Великобританией, 4 мая 1920 г. Ленин обратился к Троцкому: «По-моему, Чичерин прав: тотчас ответить согласием на 1) приостановку военных действий (а) в Крыму и (б) на Кавказе (точно обдумав каждое слово) и 2) на переговоры об условиях очищения Крыма *на принципе* (не более) общей амнистии белых и 3) участия английского офицера в переговорах с Врангелем»². Тем не менее, из этого плана ничего не вышло.

Месяцы спустя, 28 июля 1920 г., член РВС Юго-Западного фронта Иосиф Сталин сообщал Троцкому: «*Приказ о поголовном истреблении Врангелевского комсостава намереваемся издать и распространить в момент начала нашего общего наступления*»³.

В тот же день работник Крымской областной партийной организации А. Шаповалов в письме члену Политбюро и Оргбюро ЦК РКП (б) Николаю Крестинскому выразил идею тотальной «чистки» Крыма от «контрреволюционеров» после победы над Врангелем.

«Надо послать туда не маниловых, а энергичных и твердых работников», – делился своими мыслями Шаповалов⁴.

Тем не менее, рассчитывая внести разложение в ряды белых, официально советская сторона обещала амнистировать военнослужащих Русской армии, если те сложат оружие. В мае и в сентябре 1920 г. в газете «Правда» были опубликованы воззвания к военнослужащим армии Врангеля с предложением сложить оружие и перейти на сторону красных. За это им гарантировалась амнистия.

Это обещание рассматривалось большевиками как способ внести разложение в ряды неприятеля.

Накануне взятия полуострова, 11 ноября 1920 г. командующий силами красного Южного фронта Михаил Фрунзе обратился по радио к врангелевским офицерам с предложением сдаться.

Однако то, что было приемлемо для Совнаркома весной, стало недопустимым осенью 1920 г. Поэтому Ленин отреагировал жестко. Уже 12 ноября он телеграфировал Фрунзе:

«Только что узнал о Вашем предложении Врангелю сдаться. Крайне удивлен непомерной уступчивостью условий. Если противник примет их, то надо реально обеспечить взятие флота и невыпуск ни одного судна; если же противник не примет этих условий, то, по-моему, нельзя больше повторять их и нужно расправиться беспощадно»⁵.

Именно здесь нужно искать зерно будущей расправы, хотя формально обещания амнистии все еще оставались в силе.

13 ноября 1920 г. члены РВС Южного фронта Ивар Смилга и Бела Кун поспешили успокоить вождя, отправив ему секретную телеграмму:

«Предложение о капитуляции послано ввиду антиантантовских настроений части офицерства. Наше предложение усматривает сдачу всего имущества. В случае отказа истребим всех. Приказ об этом отдан»⁶.

В то же время не все участники будущей драмы были готовы немедленно приступить к истреблению. 15 ноября 1920 г. командующий 6-й армией Август Корк и член РВС 6-й армии Георгий Пятаков направили председателю РВС Республики Льву Троцкому радиogramму за № 817. В ней говорилось о положении в Крыму после завершения эвакуации Русской армии, об организации первых ревкомов, о взятии в плен остатков врангелевской армии. О том, что число добровольно сдающихся в плен увеличивается и среди противника царит «полное разложение». В связи с чем РВС 6-й армии ходатайствовал о помиловании «всего командного состава остатков армии Врангеля (численностью двадцать тысяч.) Пленных после проверки можно будет... <считать> незлобными контрреволюционерами»⁷.

Все точки над «і» расставил ответ Троцкого, который поступил в РВС Южного фронта 22 ноября 1920 г.:

«Необходимо все внимание сосредоточить на той задаче, для которой создана “тройка”. Попробуйте ввести в заблуждение противника через агентов, сообщив ту переписку, из которой вытекало бы, что ликвидация отменена или перенесена на другой срок»⁸.

Тотальная «зачистка» полуострова от «вражеских элементов» стартовала уже 17 ноября 1920 г. Именно тогда был издан приказ Крымревкома № 4 об обязательной регистрации в 3-дневный срок всех иностранных подданных; лиц, «прибывших на территорию Крыма после ухода советской власти в июне 1919 года», офицеров, чиновников военного времени, солдат, работников гражданских учреждений. Не явившиеся рассматривались как «шпионы, подлежащие высшей мере наказания по всем строгостям законов военного времени»⁹.

Несмотря на грабежи и насилия, которые совершались победителями в первые дни, перечисленные в приказе категории лиц восприняли известие о регистрации в целом без особого страха. Поверив обещаниям об амнистии, данным накануне советским командованием, тысячи людей явились на регистрационные пункты и сразу образовали огромные очереди.

Поначалу людей регистрировали и отпускали по домам. Часть поместили в казармы, часть – на отправили по железной дороге в северные лагеря или на восстановительные работы в шахты Донбасса.

Но вскоре все изменилось. Спустя два-три дня после окончания первой регистрации была назначена новая, которая проводилась Особой комиссией 6-й армии и Крыма по регистрации. На этот раз подлежали регистрации уже не только военные и беженцы, но также буржуазия, священники, юристы и прочие непролетарии. Все военные, только что амнистированные, вновь были обязаны явиться на регистрацию, которая продолжалась несколько дней. Не явившиеся были арестованы, и затем сразу же после регистрации начались массовые расстрелы. Некоторое время спустя, когда кампания красного террора в Крыму

была в самом разгаре, приказом Крымревкома № 167 от 25 декабря 1920 г. была объявлена очередная регистрация, и все, кто пришел на нее, также подверглись репрессиям.

Высокая концентрация на территории полуострова «вражеских элементов» никак не устраивала высшее советское руководство. Как минимум, одним из косвенных вдохновителей крымских расстрелов был председатель Реввоенсовета Республики Л. Троцкий. Ссылаясь на телеграмму последнего, председатель Крымревкома Бела Кун заявлял: *«Товарищ Троцкий сказал, что не приедет в Крым до тех пор, пока хоть один контрреволюционер останется в Крыму; Крым – это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит, а так как Крым отстал на три года в своем революционном движении, то мы быстро подвинем его к общему революционному уровню России...»*¹⁰

Такую же позицию высказывал заместитель Троцкого в Реввоенсовете Эфраим Склянский, который отмечал в своих телеграммах: *«Война продолжится, пока в красном Крыму останется хоть один белый офицер».* Большое внимание «крымской проблеме» уделялось и Лениным. Известно его заявление, сделанное 6 декабря 1920 г. во время выступления на совещании московского партийного актива: *«Сейчас в Крыму 300 тыс. буржуазии. Это источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим»*¹¹.

Помимо партийного и советского руководства, в решении вопроса о судьбах бывших военнослужащих армии Врангеля, гражданских лиц, активное участие принимало чекистское ведомство и лично председатель ВЧК Феликс Дзержинский. Накануне решающего удара по позициям врангелевцев, осенью 1920 г., в Особый отдел Южного фронта с группой работников Особого отдела ВЧК выехал его начальник Вячеслав Менжинский. Они оказали «большую помощь» в борьбе с антисоветским подпольем, в организации разведывательной деятельности в тылу Русской армии и работе по разложению

противника. Группировка советских войск была усилена опытными чекистскими кадрами. Формировались комендантские, конвойные и расстрельные команды, из центральной России на Южный фронт мобилизовали сотни профессиональных карателей. После взятия полуострова они незамедлительно приступили к «работе»...

16 ноября 1920 г. Дзержинский телеграфировал начальнику Особого отдела Юго-Западного и Южного фронтов Василию Манцеву: *«Примите все меры, чтобы из Крыма не прошел на материк ни один белогвардеец. Поступайте с ними согласно данным Вам мною в Москве инструкциям. Будет величайшим несчастьем Республики, если им удастся просочиться. Из Крыма не должен быть пропущен никто...»*¹²

Пожелания высокого начальства были правильно поняты местными военными, партийными и чекистскими органами. На полуострове ввели режим чрезвычайного положения.

7 декабря 1920 г. за подписью Бела Куна вышел приказ Крымревкома № 89. Согласно ему, въезд в пределы Крыма «с момента опубликования настоящего постановления впредь до особого распоряжения» был прекращен. Ограничивался и выезд из Крыма. 25 ноября 1920 г. в газете «Красный Крым» появилось сообщение, что выезд из Крыма разрешается только едущим в командировку.

Все перемещения за пределы полуострова, равно как и въезд на его территорию, находились под жестким контролем. Эта задача была возложена на заградительные отряды.

Еще до взятия полуострова создается Крымская ударная группа, начальником которой был назначен заместитель начальника Особого отдела Южного и Юго-Западного фронтов Ефим Евдокимов. Подчинялась Крымская ударная группа непосредственно начальнику Управления Особых отделов ВЧК Южного и Юго-Западного фронтов В. Манцеву.

При Крымской ударной группе создавались чрезвычайные «тройки» особых отделов, наделенные правом вынесения смертных приговоров.

Процедура ведения следствия была максимально упрощена. В подавляющем большинстве случаев людей не допрашивали. Приговоры выносились в отсутствие обвиняемых, на основании анкет, заполненных ими при регистрации. В графе «В чем обвиняется?» чекистские следователи, не сомневаясь, писали: «казак», «подпоручик», «чиновник военного времени», «штабс-капитан», «доброволец» и т.п. Этого было достаточно. Выслушав краткий доклад начальника Особого отдела, участники «тройки» подписывали заранее заготовленное постановление о расстреле и передавали его к исполнению. Однако и это подобие следствия чекисты сочли чересчур долгим. Не утруждая себя бюрократической волокитой, «вершители революционного правосудия» поступали просто. Составив список лиц, намеченных к истреблению, писали на нем резолюцию, единым росчерком пера решая судьбу десятков и сотен людей.

Именно особые отделы были главными исполнителями красного террора в Крыму в конце 1920 – зимой 1921 г. Помимо них, карательные функции выполняли другие «чрезвычайные органы диктатуры пролетариата»: ревтрибуналы, народные суды, милиция, «рабочие отряды», «отряды сельской самообороны», подразделения Красной армии, военные коменданты, политоделы, ЧК.

Необходимость террора всячески подчеркивалась на страницах местной печати, в резолюциях собраний и митингов. Так, 30 ноября 1920 г. состоялось заседание партийной большевистской организации, которое открыл брат Ленина, Дмитрий Ульянов, выступив с докладом о текущем моменте. По итогам его выступления собрание приняло резолюцию, где одним из пунктов было «объявить в Крыму беспощадный террор контрреволюции и буржуазии»¹³.

5 декабря 1920 г. газета «Красный Крым» опубликовала статью некоего М.Марголина «Белый и красный террор», в которой утверждалось, что «в освобожденном Крыму еще слишком много осталось белогвардейщины. Все

они сейчас притихли, попрятались по углам. Они выжидают момента вновь броситься на нас. Но нет! Мы переходим в наступление.

Караящим, беспощадным мечом красного террора мы пройдем по всему Крыму и очистим его от всех палачей, поработителей, мучителей рабочего класса. Мы отнимем навсегда у них возможность посягать на нас. Мы отнимем у них возможность мешать нам строить нашу жизнь. Красный террор достигает цели, ибо он действует против класса, обреченного самой судьбой на смерть, он ускоряет его гибель, он приблизит час его кончины!»¹⁴

30 ноября 1920 г. опубликовали разъяснение Крымревкома, что со всеми ходатайствами по поводу арестованных следует обращаться в ОО 6-й армии¹⁵. Так гражданские органы власти исключали возможность апеллировать к ним.

Касаясь вопроса о личном участии Б. Куна и Р. Землячки, здесь необходимо выделить следующее. Безусловно, эти революционеры были сторонниками самых жестких и решительных мер в борьбе с «буржуазией», и призывали к этому своих соратников. И Бела Кун, и Землячка решительно пресекали попытки апеллировать к ним в надежде смягчить судьбу некоторых арестованных, как со стороны партийных работников, так и простых граждан. Но все же их следует рассматривать в качестве идеологов: они издавали приказы, выступали с речами в поддержку репрессий, участвовали в формировании местных чекистских подразделений. Достаточно сказать, что будущий видный советский полярник Иван Папанин, был взят на службу в органы Крымской ЧК на должность коменданта (в его обязанности входило приведение в исполнение приговоров), именно по личной рекомендации Землячки. Также Землячка проводила внутрипартийные «чистки», в результате которых страдали все, заподозренные в политической нелояльности. В том числе те, кто пытался заступаться за арестованных.

Но Б.Кун покинул Крым в декабре 1920 г., а Р.Землячка – в январе 1921 г. Несмотря на это массовый террор продолжался до весны 1921 г., и пошел на спад в апреле-мае. Что также подтверждает, что уничтожение тысяч наших

соотечественников не было «местной инициативой», но было спланировано на самом верху.

Точное число жертв красного террора в Крыму в 1920–1921 гг. едва ли когда-нибудь будет известно. Минимальной цифрой определяют 12 тыс.¹⁶, максимальной – 120 и даже 150¹⁷ тыс. человек. Неоспоримо одно: по числу убийств и по степени жестокости и организованности террор 1920–1921 годов был самым массовым и кровавым.

Даже карательные акции большевиков конца 1920–1930-х годов на крымской земле имели, вероятно, меньший размах.

Остановимся подробно на личностях некоторых непосредственных исполнителей. Обобщенный портрет чекистов или сотрудников особых отделов эпохи красного террора в Крыму выглядит следующим образом. В основном это были молодые люди в возрасте до 30 лет, мало кто из них имел законченное высшее и даже среднее образование. Многие еще подростками принимали активное участие в революционном движении, имели опыт террора, приобретённый задолго до Октябрьского переворота, неоднократно арестовывались полицией, в том числе и за уголовные преступления, отбывали каторжные и тюремные сроки. Основу их мировоззрения составляла ненависть ко всему, что было связано с дореволюционной Россией.

Некоторые чекисты не только не скрывали своего участия в казнях, но и открыто этим гордились. Так, В. Манцев в конце 1920 г. писал Ф. Дзержинскому: «Теперь, после Крыма, вероятно, и я получу прозвище «кровавого». Ну, что же делать. Такое прозвище от буржуа приятно». Заслуживают внимания и слова другого легендарного чекиста, Михаила Вихмана (в рассматриваемый период – председателя Симферопольской, а впоследствии Крымской обл. ЧК): *«При взятии Крыма был назначен лично тов. Дзержинским первым председателем Чрезвычайной Комиссии Крыма, где по указанию боевого органа партии ВЧК уничтожил энное количество тысяч белогвардейцев – остатки врангелевского офицерства. Герой Советского Союза тов. Папанин И.Д. работал комендантом Крымчека под моим личным*

руководством по уничтожению бело-зеленых банд в Крыму. Лично мною были расстреляны военный министр Украинской Рады – Рагоза и министр Коморный и еще много сотен врагов Советской власти расстреляны моей собственной рукой, точная цифра них записана на моем боевом маузере и боевом карабине». Не скрывал своего участия в крымских расстрелах и будущий начальник финотдела НКВД СССР Лев Словинский. В его наградном листе отмечалось, что в 1920 г. «после занятия Крыма, работая в комендатуре, принимал непосредственное участие в фактическом уничтожении белогвардейского офицерства»¹⁸.

«Заслуги» чекистов и работников особых отделов были высоко оценены руководством. Приказом № 1665 от 10 сентября 1921 г. заместитель командующего войсками Украины и Крыма Константин Авксентьевский за «понесенные труды при ликвидации врангелевского фронта» наградил трофейными конями Е. Евдокимова и Семена Дукельского – начальника ОО Всеукраинской ЧК по борьбе с бандитизмом. Еще один «чистильщик» Крыма, Николай Быстрых, вначале удостоился благодарности Крымревкома «за энергичную деятельность», а после был награжден золотыми часами с надписью «честному воину Рабоче-Крестьянской Красной армии» и получил от Дзержинского серебряную саблю с надписью «за храбрость».

7 декабря 1920 г. за подписью Е. Евдокимова появился приказ № 8 по Крымской ударной группе особых отделов Южного и Юго-Западного фронтов, в соответствии с которым «за энергичную работу по борьбе с контрреволюцией» «революционную благодарность» и золотые часы заслужили следующие сотрудники особых отделов: начальник ОО 46-й дивизии Кудряшев, Брейдус, Юдин, Петров, Каляев, Олейников, Долгопятов, Чанов. Другие сотрудники ОО 46-й дивизии удостоились «сердечной благодарности» и были награждены серебряными часами с надписью «за энергичную работу от Особого Отдела Южного фронта»¹⁹.

Сам Е. Евдокимов за участие в крымской «зачистке» удостоился ордена Красного Знамени. Примечательна характеристика, данная Евдокимову С. Дукельским:

«Во время разгрома армии генерала Врангеля в Крыму тов. Евдокимов с экспедицией очистил Крымский полуостров от оставшихся там для подполья белых офицеров и контрразведчиков, изъяв до 30 губернаторов, 50 генералов, более 300 полковников, столько же контрразведчиков и в общем до 12 000 белого элемента, чем предупредил возможность появления в Крыму белых банд»²⁰. В 1921 г. чекиста наградили орденом Красного Знамени, правда, без публичного объявления об этом. Награды получали и непосредственные исполнители приговоров – участники расстрельных команд.

Для многих деятелей советского репрессивного аппарата участие в крымских расстрелах послужило важным трамплином в дальнейшей партийной, советской и чекистской карьере. Некоторые из бывших карателей впоследствии сделали себе имя в науке и творчестве.

Весьма преуспели и непосредственные организаторы массового террора – ведущие сотрудники ЧК и особых отделов. Так, Е. Евдокимов, прежде чем быть расстрелянным в 1940 г. как «враг народа», удостоился четырех орденов Красного Знамени, ордена Ленина, занимал высокие должности в системе карательных органов, коммунистической партии. То же можно сказать и о других высокопоставленных деятелях советского репрессивного аппарата, которые принимали участие в кровавой «зачистке» Крыма от «белогвардейщины». До своего ареста в годы «ежовщины» и последующего расстрела С. Реденс, В. Манцев и Н. Быстрых занимали руководящие посты в системе органов ВЧК-ОГПУ-НКВД, на советской и партийной работе.

Председатель чрезвычайной «тройки» Крымской ударной группы Управления Особых отделов ВЧК при РВС Южного и Юго-Западного фронтов Эрнст Удрис (именно его резолюция о расстреле стоит на анкетах сотен жителей Ялты, в том числе, княгини Надежды Барятинской и ее дочери) сделал головокружительную карьеру в органах советской юстиции: работал в

прокуратуре, был членом Верховного суда РСФСР, председателем Верховного суда Узбекской ССР, преподавал в Узбекском юридическом институте.

Другой участник массовых казней, Иван Данишевский, стал видным номенклатурным работником и в разное время возглавлял всевозможные советские торговые, финансовые и хозяйственные учреждения. Оставил Данишевский свой след и в авиастроении. Счастливо избежав смерти в годы «Большого террора» и отбыв лагерный срок, после реабилитации бывший чекист активно занимался литературной работой.

Член коллегии Крымской ЧК, а впоследствии председатель Евпаторийской ЧК и чрезвычайной «тройки», Ян Бирзгал, после ухода из «органов» работал в системе Наркомата просвещения, возглавлял различные музейные учреждения Крыма. В том числе, работал директором Алушкинского дворца-музея. Занимался живописью.

Но, безусловно, самым известным «чистильщиком» Крыма от «буржуазии», сделавшим затем головокружительную карьеру, является И. Папанин, вошедший в историю не как комендант Крымской ЧК, а как «блестящий ученый, создатель самого мощного в мире научного флота». Имя Папанина трижды увековечено на географической карте; в родном Севастополе ему установлен памятник, в честь него названа одна из городских улиц...

Разумеется, это не единственные примеры. Судьбы и карьеры чекистов, которые были причастны к проведению красного террора в Крыму, представляют собой отдельную обширную тему, которая еще ждет своего исследователя.

Хотя участники «троек» и исполнители приговоров получали награды и звания, «работа по искоренению контрреволюции» для них не проходила бесследно. Чекисты и сотрудники особых отделов испытывали страшные психологические перегрузки.

Некоторые каратели не выдерживали и повреждались рассудком. Так, один из бывших красноармейцев писал в своей биографии: «При ликвидации <белых> в гор. Феодосии мне пришлось участвовать в форменной резне, после

чего расстроилась нервная система <...> и я был отправлен в Москву в нервный госпиталь, где меня вылечили»²¹.

Психические расстройства на почве расстрелов и казней стали причиной увольнения из «органов» Я.Бирзгала и Э.Удриса. Так, в своей автобиографии Бирзгал откровенно писал, что «напряженнейшая работа в чрезвычайных органах и, в частности, в Крыму, где пришлось после разгрома Врангеля проводить истребление остатков белогвардейщины, вести тяжелую борьбу с политическим бандитизмом и подпольными контрреволюционными организациями и прочее, отразилась на моем здоровье и, вследствие развившегося тяжелого психоневроза в 1923 г., согласно постановлению центральной медицинской комиссии ОГПУ, я был демобилизован из органов ГПУ».

Э.Удрис пробыл на службе в «органов» до 1924 г., но «подорвал здоровье», и ему «было предложено врачами переменить работу». Пребыванием в психиатрической клинике закончилась и чекистская карьера Папанина.

Дальнейшие судьбы организаторов и исполнителей массовых казней сложились по-разному. Ряд функционеров компартии и деятелей репрессивного аппарата, причастных к проведению красного террора в Крыму, в 1930-е гг. сами подверглись преследованиям. Для некоторых служба режиму завершилась смертным приговором и клеймом «враг народа». Попадая в жернова сталинских репрессий, некоторые отделаются либо тюремными сроками (Данишевский, Вихман), либо будут освобождены (Бирзгал). Еще в 1920-е ряд чекистов будут уволены из «органов». Впрочем, последнее обстоятельство не мешает им занять хорошие должности в различных советских учреждениях. Немало было и тех, кто не подвергся преследованиям и завершил свои дни в почете и славе (Землячка, Папанин, Дукельский).

В завершение выделим следующие моменты в оценке событий 1920-1921 гг. в Крыму.

1. Красный террор в Крыму после Врангеля представлял собой масштабную социальную «чистку», затронувшую широкие слои населения. Людей репрессировали не за какие-нибудь реальные преступления, а только за то, что они принадлежали к «свергнутым классам» или считались носителями чуждого мировоззрения. С уверенностью можно сказать, что массовые расстрелы в Крыму в начале 1920-х годов были закономерны в условиях ранней советской системы и являлись таким же способом большевизации края, как и национализация, продразверстка и запрещение свободной торговли.

2. Высказываемое до настоящего времени мнение об ответственности за массовые репрессии именно местных властей не выдерживает никакой критики. Заводной ключ к механизму террора находился в Москве. В проведении акции устрашения было заинтересовано высшее партийное руководство, включая руководителей советского государства.

¹ Примечание к телеграмме В.И. Ленина Г.В. Чичерину // Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 424

² Там же. - С. 191

³ Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – С.324

⁴ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Русское книгоиздательское товарищество – История, 1997. – С.220

⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 52. - С. 6

⁶ Тополянский В.О. Сквозняк из прошлого: время и документы. Исследования. СПб.: ИНАПРЕСС: НОВАЯ ГАЗЕТА, 2006. - С. 231

⁷ Русская военная эмиграция 20–40-х годов: док. и мат-лы. Т. I: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 1-я: Исход. М.: Гея, 1998. - С. 202–203

⁸ Там же. – С.217

⁹ Ревкомы Крыма: сб док и мат-лов. Симферополь, 1968. - С. 23–24

¹⁰ Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918–1923 гг. // Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918–1923 гг. Чекистский Олимп. М.: Айрис-Пресс, 2006 - С. 113

¹¹ Там же.

¹² Плеханов А.М. Дзержинский. Первый чекист России. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. - С. 410

¹³ Красный Крым, № 9, 2 декабря 1920 г.

¹⁴ Красный Крым, №12, 5 декабря 1920 г.

¹⁵ Там же

¹⁶ Краснов В.Г., Дайнес В.О. Указ. соч. - С. 325.

¹⁷ Мельгунов С.П. Указ. соч. – С.113

¹⁸ Бажан О., Золотарьов В. Конвеєр смерті в часи «Великого терору» в Україні: технологія розстрілів, виконавці, місця поховань // Краєзнавство. 2014. № 1 (86). С. 183-184.

¹⁹ Реабілітовані історією. Харківська область: Книга перша. Ч. 1/ ДП «Редакційно-видавнича група Харківського тому серії «Реабілітовані історією». Київ: Харків: Оригінал, 2005. - С. 62

²⁰ Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 191 –1922 гг. М.: Эксмо: Яуза, 2004. - С. 105

²¹ Тепляков А.Г. Иван Данишевский: чекист, авиастроитель, публицист // Вестник Томского государственного университета, 2012. - №360. – С.95